

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

I.

Городъ Иваново-Вознесенскъ.

(Бывшее село Иваново, графа Шереметева).

Около 30 лѣтъ тому назадъ, „Журналъ. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ печатно заявлялъ желаніе помѣстить на своихъ страницахъ „любопытную памятную книгу почтеннаго Ивановскаго жителя А. Ф. Полушина“. Это доброе желаніе, по нѣкоторымъ причинамъ, не могло быть тогда исполнено, но оно заставило меня написать *Очеркъ начала и развитія ситцевой промышленности въ селѣ Ивановѣ и посадѣ Вознесенскомъ*. Въ этомъ очеркѣ я коснулся нѣкоторыхъ случаевъ, о которыхъ отмѣчено въ памятной книгѣ моего отца. „Очеркъ“ мой помѣщенъ въ журналѣ „Вѣстникъ промышленности“ 1861 года, изданіи И. К. Бабста и Ф. В. Чинова. Передавая нынѣ въ печать всѣ подлежащія оглашенію выписи изъ нашей семейной книги, въ которую вписывалъ свои замѣтки и сообщенія сначала мой дѣдъ, а затѣмъ отецъ, я убѣжденъ, что этимъ принесу извѣстную пользу и исполню справедливое желаніе многихъ. Для цѣльности въ чтеніи и полноты послѣдующихъ выводовъ въ будущемъ, я просто передаю въ хронологическомъ порядкѣ всѣ выписи *слово въ слово*, сохраняя особенность выражений и построеніе рѣчи, при чемъ поясняю передаваемое, по мѣрѣ надобности, моими примѣчаніями.

Н. А. Полушинъ.

Выписи изъ памятной книги А. Ф. Полушина.

1751 годъ. Первая фабрика (ткацкая) въ селѣ Ивановѣ завелась у Григорія Бутримова, и ткали становъ на сто. И онъ Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человѣкъ непослѣдній. У него былъ сынъ Иванъ, который умеръ прежде отца своего, и онъ Григорій Бутримовъ привезъ въ наслѣдники младенца Евсея изъ Москвы: якобы сынъ его Иванъ, бывши въ Москвѣ, женился и прижилъ онаго Евсея.

Григорій Бутримовъ былъ крестьянинъ графа Шереметева, но, не смотря на свою крѣпостную зависимость, пользовался, какъ видно изъ „записи“, немалой свободой въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствовало, а мо-

жетъ быть и служило главной причиной то нравственное и матеріальное ноложеніе Бутримова, которое выражено словами записи: „*И оный Григорій Бутримовъ по вотчинѣ былъ человекъ непостоянный*“. Эта благопріятная для Бутримова исключительность, безъ сомнѣнія, и дала ему возможность привезти изъ Москвы младенца Евсея и объявить его своимъ наслѣдникомъ. Дальнѣйшая судьба Евсея неизвѣстна. Знаемъ только, что въ настоящее время среди ткацкихъ фабрикантовъ города Иванова-Вознесенска фамиліи „Бутримовыхъ“ не существуетъ. Хотя въ „записи“ и не указано, какого рода тканье производилось на станахъ фабриканта Бутримова, холстъ или миткаль (такъ какъ иного производства кромѣ этихъ двухъ родовъ тканья въ нашей мѣстности не было и нѣтъ), но можно съ большой вѣроятностью допустить что Бутримовъ работалъ и то и другое. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что выработанныя Бутримовымъ ткани шли, по рассказамъ старожиловъ Иванова, подъ „выбойку“, которая, какъ извѣстно, производилась сначала на холстѣ, затѣмъ вскорѣ перешла и на миткаль.

1751 годъ. Завелъ вторую фабрику Иванъ Ивановъ Грачевъ; было у него становъ ста три.

Грачевъ, Бутримовъ, равно и всѣ послѣдующіе піонеры фабричной и торговой дѣятельности нашего края, были крестьяне графа Шереметева. Долгъ справедливости и чувство глубокаго уваженія къ свѣтлой личности умершаго владѣльца села Иванова заставляютъ сказать, что такое быстрое и замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ развитіе хлопчато-бумажной промышленности и торговли, какое совершилось и упрочилось въ нашемъ краю во времена крѣпостнаго права, было возможно только при тѣхъ въ высшей степени гуманныхъ отношеніяхъ, какія существовали у графа Шереметева къ своимъ крестьянамъ. Въ послѣдствіи бывали нѣкоторые случаи, шедшіе какъ бы въ разрѣзъ съ нашимъ воззрѣніемъ, но это мнимое несогласіе уничтожается, какъ скоро мы вспомнимъ, что не всѣ распоряженія и другія административныя дѣйствія главной конторы графа Шереметева, управлявшей его многочисленными имѣніями, заключали въ себѣ *личную волю* графа и даже были ему извѣстны.

1766 годъ. При выборныхъ Иванъ Гандуринъ и Иванъ Гарелинъ раздѣлили въ близости села Иванова пахотную землю... и сѣнные покосы *новытно*.

Вытью назывался участокъ земли мѣрою 19 десят. 2010 саж. Такъ ли это было въ данномъ случаѣ, намъ неизвѣстно; изъ приведенной „выписи“ видно, что Ивановцы въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ держались *вытной* системы, самое широкое примѣненіе которой господствовало въ Рязанской и Новгородской губерніяхъ. Здѣсь должно упомянуть, что хлѣбопашество и вообще сельское хозяйство Ивановцевъ было далеко не въ цвѣтущемъ положеніи: этотъ умный и предприимчивый народъ былъ плохой пахарь. Ткацкій ста-

нокъ, рѣзба на деревѣ и набивка ткани фантастическими узорами какъ-то не уживались съ простотою пашни и покоса.

Точки, поставленные мною въ этой „выписи“, означаютъ неразобранное мною слово.

1766 годъ. Была рожь цѣною 2 рубли 60 коп. четверть, государственная.

1767 годъ. *Генваря 26.* Возили (крестьянъ) въ Москву для отдачи въ рекруты по мірскому приговору и по указу графскому.

Какъ извѣстно, въ прежнее старое время эта мѣра частной администраціи примѣнялась, какъ со стороны обществъ, такъ и со стороны помѣщика, къ наиболѣе порочнымъ членамъ крестьянскаго общества и служила, такъ сказать, предохранительнымъ клапаномъ общественной безопасности и спокойствія. Разумѣется, наше примѣчаніе отнюдь не касается нравственной оцѣнки этой мѣры.

1767 годъ. *Февраль 1.* Цѣна ржи 2 руб. 80 коп. Овесъ 1 руб. 8 коп. Пшено 4 руб. 40 к. Крупа 2 руб. 60 коп. Горохъ 2 р. 60 коп. Конопляное сѣмя 2 руб. 60 коп. четверть.

1768 годъ. *Май.* По указу ихъ сіятельствъ брали съ дѣвокъ (оброкъ) пряжей: съ 18 до 20 лѣтъ 3 фунта, съ д. 20 до 25 лѣтъ 5 фунтовъ, съ 25 до 30 лѣтъ по 10 фунтовъ или деньги, за каждый фунтъ 20 копѣекъ.

1768 годъ. *Мартъ 27.* По смерти графини Варвары Алексѣевны по духовному ея завѣщанію отказано было село Павлово дочери ея Аннѣ Петровнѣ, которая была просватана за господина Панина, и Павлово отошло бы въ приданое, то графъ въ сыновниву вотчину, наше село Иваново, велѣлъ вывести слесарныхъ мастеровъ 6 семей, коихъ въ Павловѣ много; но по власти Божіей, графиня Анна Петровна, сватанная, скончалась, и оныя семьи возвращены обратно въ Павлово.

Здѣсь говорится о генералѣ - аншеѣ, оберъ - камергерѣ императора Петра III, графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, умершемъ въ 1788 году. Село Павлово находится въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и славится фабрикаціей стальныхъ издѣлій.

1774 годъ. *Ноябрь 21.* Нашли убитыхъ у кабака: Ивана Лоскутова и Михаила Нефедова, а кѣмъ убиты, неизвѣстно.

Убіиства и грабежи случались въ Ивановѣ довольно часто и, не ослабѣвая, продолжались до болѣе позднѣйшихъ годовъ, что и вынудило Ива-

новцевъ сформировать собственную полицію изъ коренныхъ жителей села и дать имъ, по возможности, правильную организацію, съ чѣмъ мы познакомимся изъ послѣдующихъ выписей. Учрежденіе изъ своей среды охранителей порядка нельзя не отмѣтить, какъ явленіе, вытекавшее изъ желанія *обособить* жизнь своего родного гнѣзда и *упорядочить* ее безъ вмѣшательства и вліянія *чуждыхъ пришельцевъ*, которыхъ, кстати сказать, коренные Ивановцы и донынѣ называютъ „*натѣками*“.

1775 годъ. Августа 21. Выгорѣло село Иваново *отъ Якова Сорычева(?)* Сгорѣло домовъ съ 400, а именно: сгорѣли улицы *Широкая, Кабацкая*, двѣ площади: большая и малая, двѣ голявы(?)—тожъ большая и малая; улицы: *Московская, Прислониха, Панская и Пахотная* за оврагомъ, *Посякуша* и ряды и многія лавки съ товаромъ, и два кабака; людей лишилось жизни 3 человѣка женскаго пола. Сгорѣла и часть овиновъ съ хлѣбными стогами и часть кузницъ, *приказная изба со семью дѣлами*; наипаче всего (здѣсь слово «наипаче» употреблено, какъ выраженіе сильнѣйшаго сожалѣнія) двѣ церкви: первая, деревянная «Воздвиженіе Честнаго Креста» съ придѣломъ «Іоанна Богослова», а вторая, каменная «Рождества Христова», съ придѣломъ «Парасковей», нареченной «Пятницы»; только сгорѣли главы и верхъ, а въ ней (т. е. въ церкви), Божіей милостію, осталось сохранно; а въ колокольнѣ сгорѣли полы, колокола попадали и растопились; а церковь «Воздвиженія» стояла 73 года: была построена послѣ большаго пожара, бывшаго въ 1699 г.

Жестокія стихійныя бѣдствія, словно воинствующія полчища темной и злой силы, то и дѣло становились на пути нравственнаго и экономическаго развитія Ивановцевъ и причиняли имъ такіе громадныя ущербы, которые для людей иного жизненнаго склада могли бы быть неотразимыми ударами рока, кладущаго свою огненную печать разрушенія на все созданное тяжкими усиліями людей, и такимъ образомъ убивающаго не только видимыя послѣдствія труда, но и отравляющаго источники, питавшіе этотъ трудъ: силу и энергію. Но въ глазахъ Ивановцевъ того времени эти бѣдствія были не болѣе какъ испытаніе Божіе, какъ отеческое наказаніе согрѣшившему сыну, который долженъ исправиться, вѣрить въ милосердіе Господа и опять работать въ потѣ лица своего. Сколько энергіи, вѣры и терпѣнія явили намъ здѣсь наши предки, эти гиганты труда, завоевавшіе себѣ то блаженное состояніе, которое давало имъ и „сапоги на нозѣ и перстень на руку“.

1776 годъ. Января 31. Покупали муку пшеничную по 53 коп., а ржаную по 33 копѣйки пудъ.

1776 годъ. Въ Мартъ. Стараніемъ Дмитрія Кокина привезенъ пзъ Московской домовой канцеляріи указъ, что погорѣлыя лавочныя

мѣста и всей площади сборъ отдать па церковь, а не владѣть никому изъ крестьянъ.

Эта запись свидѣтельствуеъ, что указъ домовоѣ графской канцеляріи былъ выданъ согласно желанію крестьянъ села Иванова и по ихъ собственному почину. Эта черта общественнаго настроенія Ивановцевъ, первой заботой которыхъ послѣ страшнаго пожара 1775 года было возстановленіе сгорѣвшаго храма, указываетъ на ту душевную силу, съ помощью которой простые деревушки дѣлаются Русскими Манчестерами. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ Ивановцевъ принадлежали къ такъ называемой *старой вѣрѣ*; но этотъ религіозный туманъ не имѣлъ никакого вліянія на частныя и общественныя дѣла Ивановскихъ крестьянъ и годъ отъ году терялъ свое слабое для Ивановцевъ значеніе.

1778 годъ. Май. Покупалась ржаная мука по 18 коп. пудъ, а пшеничную покупали по 35 копѣекъ пудъ.

1781 годъ. Августъ 20. Учинился пожаръ отъ *варенія красокъ* у Михаила Иванова Полушина въ улицѣ *Мастерской*, отчего сгорѣло домовъ съ десять.

Эта запись представляетъ большую цѣнность для будущаго изслѣдователя начала кустарныхъ производствъ въ Россіи. Она показываетъ, что ситцевая фабрикація въ селѣ Ивановѣ существуетъ не менѣе 150 лѣтъ: въ 1781 году, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ Ивановѣ *варили краски* и существовала цѣлая улица, носящая названіе „Мастерской“, которая не могла явиться съ быстротою дождеваго гриба, а формировалась десятками лѣтъ. „Составы“ или, такъ называемые „секреты“ красокъ Ивановцы принесли изъ Шлиссельбурга, гдѣ на ситцевыхъ фабрикахъ они работали въ качествѣ простыхъ рабочихъ.

1781 годъ. Маія 27. Было заложеніе церкви «Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня» съ придѣлами «Іоанна Богослова» и «Николая Чудотворца». Бутъ бутить (начали). А рядили скласть цѣною 2800 рублей. Еще обѣщали сто рублей прибавить.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе о цѣнѣ на каменные работы того времени. Жаль, что настоящее сообщеніе слишкомъ кратко.

1781 годъ. Іюня 20. Учинился пожаръ днемъ, во время *фабричной гулянки*, въ пятомъ часу за полдень въ улицѣ «Негорѣлой»; сгорѣло до 48 домовъ.

Въ теченіе 28 лѣтъ (1753—1781) улица „Негорѣлая“ горитъ три раза и теряетъ въ сложности 204 дома. Гулянка, во время которой произошелъ пожаръ, названа „фабричной“. Это выраженіе подтверждаетъ наше замѣча-

нѣ о давности начала ситцеваго производства въ селѣ Ивановѣ. *Ткацкія фабрики были чуть ли не послѣдствіями ситценабивнаго производства и явились какъ извѣстный результатъ экономическаго расчета.*

1781 годъ. Юня 28. Еще второй пожаръ случился чрезъ семь дней: загорѣлось за «Широкой» улицей, въ «Линіи», въ домѣ Семена Сорычева и метало (искры) въ разныя мѣста, и выгорѣло улицъ до девяти или 10-ти, домовъ сгорѣло до 260 или болѣе, въ (одинъ) день.

1793 годъ. Юня 10. Случился пожаръ въ Воскресенье, въ Погорѣлочную гулянку, отъ Дмитрія Голованова, который жилъ въ улицѣ «Линіи», и сгорѣло съ полъ-села или болѣе, до 500 домовъ. Прошло серединою села до Ямановскаго завода.

Погорѣлочная гулянка получила свое названіе отъ мельницы Погорѣлки, вблизи которой и устраивались сельскіи гулянья. Пожаръ начался въ „линіи“, т. е. въ томъ ряду домовъ, который не получилъ офіціального названія, дѣлающаго его „улицей“. Хотя между Ивановцами слово „Линія“ допускалось какъ названіе улицы, но это дѣлалось исключительно для достиженія болѣе пояснительнаго указанія. Упоминаемый въ этой „записи“ Ямановскій заводъ принадлежалъ богатѣйшему ситцевому фабриканту того времени, крестьянину Ямановскому, богатство котораго создало среди Ивановцевъ сравнительное выраженіе: „Богатъ, какъ толстый Яманъ!“ Этотъ „толстый Яманъ“ имѣлъ своихъ собственныхъ *крѣпостныхъ* людей. Такое прибавленіе новыхъ петель къ Гордіеву узлу составляло въ Ивановѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, очень обыкновенное явленіе, не порождавшее никакой аномаліи въ отношеніяхъ между дворяниномъ-помѣщикомъ и его полугосподами-крестьянами. Въ доказательство дѣйствительнаго существованія „купли“ въ свою собственность крестьянами крестьянъ приведу здѣсь изъ той же памятной книги моего отца двѣ семейныя записи, не предназначенныя для печати: „1818 годъ Февраль 28, на 1-е Марта, въ ночи, скончалась *купленная мною* въ 1815 году женщина Катерина Александрова“.—1821 года. Августа 23, скончалась старушка, моя няня Матрена Назарьевна, *купленная наша; схоронена въ бору*, подлѣ отца моего*. Купившій Матрену Назарьевну въ няни къ отцу моему дѣдъ мой *Филиппъ Ивановичъ Полушинъ принадлежалъ къ послѣдователямъ такъ называемаго „Спасова Согласія“; члены этого духовнаго общества имѣли въ Ивановѣ свое особое кладбище *въ бору*, гдѣ и хоронили своихъ усопшихъ собратій. Предокъ мой былъ, по выраженію того времени, „человѣкъ книжный“ и пользовался общимъ уваженіемъ крестьянъ какъ за свою „начитанность“, такъ и за строгій образъ жизни. По смерти отца моего осталась весьма цѣнная бібліотека, состоявшая изъ 2000 томовъ различныхъ книгъ, между которыми были толстые фоліанты духовнаго содержанія, писанные *отъ доски до доски* рукою моего дѣда.

1809 годъ. Сентября 12. Строена работная. Перестраивана.

„Работной“ называлось зданіе, въ которомъ работали ситецъ. Предки мои были ситцевые фабриканты; а отецъ мой, кромѣ ситцевой фабрики, имѣлъ еще и химическій заводъ. Какъ *перестройка* работной въ 1809 году, такъ и свидѣтельство „записи“ 1781 года о „вареніи красокъ Михайломъ Ивановымъ Полушинымъ“ указываютъ, что въ мануфактурномъ развитіи села Иванова фамилія Полушиныхъ принимала дѣятельное участіе въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ. Въ настоящее время представителемъ фабричной дѣятельности нашей фамиліи является племянникъ мой И. М. Полушинъ.

1810 годъ. Былъ прикащикъ (т. е. былъ приказникомъ или управляющимъ с. Иванова) Николай Родіоновъ; выборный—Иванъ Бабуринъ; полицеймейстеръ—Дмитрій Полушинъ; помощникъ (полицеймейстера) Варлаамъ Бубновъ.

Этотъ списокъ властей Ивановской крѣпостной администраціи подтверждаетъ наше мнѣніе о крайномъ отвращеніи Ивановцевъ къ тѣмъ чуждымъ имъ припельцамъ, которые были бы не прочь наградить коренныхъ жителей своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ общественныя дѣла. Хотя изъ послѣдующихъ записей мы и увидимъ въ должностяхъ прикащиковъ или управляющихъ Ивановской вотчиной людей, не принадлежавшихъ къ коренному составу мѣстнаго населенія и не связанныхъ своими интересами, въ смыслѣ общности промышленныхъ стремленій, съ экономическимъ развитіемъ села; но это нисколько не помѣшало Ивановцамъ ввести для необходимаго равновѣсія въ административное управленіе вотчиной и свой родной элементъ, ежегодно составляемый изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ своей энергіей и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Всѣ данныя, касающіяся самоуправленія крестьянъ села Иванова мы относимъ къ весьма важнымъ свѣдѣніямъ, стоящимъ на ряду съ крупными, выдающимися лѣтописными фактами нашего отечества, а потому считаемъ себя обязанными прослѣдить всѣ измѣненія, почему либо появляющіяся въ административномъ устройствѣ крестьянъ села Иванова, которое въ данномъ случаѣ является чуть-ли не единственнымъ источникомъ, дающимъ цѣнные факты изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ.

1811 годъ. Сентябрь и Октябрь. Было солдатство (наборъ) со 125 (т. е. одинъ рекрутъ со 125 человекъ или 8 съ тысячи). И брали 2000 рублей за квитанцію деньгами.

1812 годъ. Апрель и Май. Было солдатство съ 250 (т. е. 4 человекъ съ тысячи), въ которое, въ первый разъ въ моей жизни, отданы очередные: Федосей Шаровъ и прочіе.

„Очередныхъ“ лицъ Ивановцы оберегали и по возможности отдаляли отъ нихъ исполненіе роковой участи, замѣняя ихъ во время набора дру-

гими лицами, ранѣе намѣченными обществомъ. Такой порядокъ мы видимъ изъ записи 1767 года, Января 26.

1812 годъ. Былъ прикащикъ *его благородіе* Лазарь Мокеичъ Серебряковъ; выборный—Алексѣй Постниковъ; полицеймейстеръ—Иванъ Усовъ; помощникъ—Назаръ Кокинъ.

Видимое здѣсь измѣненіе въ управленіи селомъ Ивановымъ произошло по распоряженію Московской конторы графа Шереметева. Назначеніе Серебрякова управлять общественными дѣлами не могло быть особенно пріятно Ивановцамъ, привыкшимъ видѣть въ должности прикащика кого-либо изъ *своихъ*; но, покоряясь этому распоряженію, они все-таки сохранили за собой право выбора на всѣ остальные должности, которыя и замѣстили своими выборными изъ крестьянъ.

1813 годъ. Былъ прикащикомъ Иванъ Ивановичъ *Нѣмецъ*; выборнымъ—Василій Ивановичъ Кубасовъ; полицеймейстеромъ—Михаилъ Григорьевичъ Полушинъ; помощникомъ—Петръ Васильевичъ Бурылинъ.

Назначенный графской конторой управляющій Серебряковъ что-то не ладилъ съ выборными и былъ вскорѣ уволенъ отъ должности, которую занималъ не болѣе года. На его мѣсто контора назначила какого-то Нѣмца Ивана Ивановича, фамилія коего такъ и осталась неизвѣстной. Нельзя не замѣтить, что въ дѣлахъ общественнаго управленія Ивановцы ежегодно мѣняли своихъ выборныхъ. Такое частое обновленіе состава выборныхъ не имѣетъ никакого отношенія къ критической оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, а является только исполненіемъ разъ на всегда принятаго плана, сущность котораго есть результатъ слѣдующаго соображенія. Выбирая на общественныя должности лицъ, имѣющихъ свои значительныя торговыя и фабричныя дѣла, не должно удерживать ихъ на общественной службѣ *болѣе одного года*, въ рѣдкихъ случаяхъ *двухъ лѣтъ*, дабы не повредить ихъ фабричной дѣятельности, требующей, какъ извѣстно, личнаго внимательнаго участія самого фабриканта. Только при соблюденіи этого разумнаго условія составъ выборныхъ на общественной службѣ Иванова и могъ являть собой строго подобранный рядъ честныхъ, энергичныхъ и самостоятельныхъ дѣятелей, охотно идущихъ на непродолжительную службу. Упоминаемые въ этой записи выборные: Кубасовъ, Полушинъ и Бурылинъ имѣли въ Ивановѣ свои ситцевыя фабрики. „Кубасовскіе ситцы“ были извѣстны и въ Москвѣ и занимали въ свое время такое же почетное положеніе, какое имѣетъ нынѣ *пунцовый товаръ* Баранова.

1813 годъ. Ноябрь. Было солдатство съ 242 душъ-рекрутъ, а сдавали лошадьми: 4, 5 и 6 лошадей за рекрута; 4 лошади 2 аршина, 2 вершка; вторыя—2 аршина, 1 вершокъ, а третьи—2 аршина (т. е. число лошадей, замѣняющихъ рекрута, было опредѣлено сообразно ихъ

извѣстному достоинству). А на покупъ сихъ лошадей брали деньги: съ *одиновокъ* и *двойниковъ*, и съ меня взяли 500 рублей. Абрамъ Полушинъ.

1815 годъ. Складена церковь у Покрова въ оградѣ, на мѣстѣ деревянной, перенесенной на кладбище иждивеніемъ Ивана и Ермолая Гандуриныхъ. (Оба Ивановскіе жители).

1815 годъ. Выбранъ (А. Ф. Полушинъ) отъ вотчины для покупки квитанцій (рекрутскихъ), которыя и покупались по 3500 рублей и по 4000 и болѣе.

1815 годъ. Ноябрь. Былъ (я) *отдатчикомъ* рекрутъ; отдавалъ (сдавалъ) бывшее въ это время солдатство съ пяти сотъ по рекруту, и въ тоже время (т. е. въ этотъ же наборъ) было солдатство *уравнительное*: первая треть вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго (въ) 1812 г.

1815 годъ. Куплена мною земля у Константина Дунаева рядомъ съ нашей за 425 рублей. Еще пошлинъ отдано 21 руб. 25 коп.

Въ настоящей „записи“ не показано количество купленной земли, почему и нельзя опредѣлить существовавшую тогда цѣнность земельных участковъ. Дальнѣйшія записи удостовѣряютъ, что цѣны на землю въ селѣ Ивановѣ, не смотря на его экономическое развитіе, были не высокія. Причину тому должно искать въ томъ положеніи Ивановцевъ, которое, не смотря на сравнительную свободу дѣйствій, не могло не порождать нѣкоторыхъ опасеній. Какъ бы ни были плодотворны по своему существу стремленія Ивановцевъ, но безъ личной и имущественной свободы дѣятелей эти стремленія, какъ заключенныя въ извѣстномъ кругу, за черту котораго можно было переноситься только мыслію, не могли развиваться до своего естественнаго роста.

1816 годъ. Складены каменные лавки или гостинный дворъ противъ церкви Рождества Христова.

1816 годъ. Юня 29. Утонулъ мальчикъ Ѳеодоръ у Петра Аѳонасьевича Зубкова (т. е. сынъ Петра Аѳонасьевича Зубкова) семи лѣтъ у мельницы Погорѣлки, однако, Божію милостію, откачали.

Этотъ мальчикъ Ѳеодоръ, возвращенный къ жизни самымъ первобытнымъ способомъ, былъ впослѣдствіи извѣстнѣйшимъ ситцевымъ фабрикантомъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ своего мануфактурнаго дѣла, поставленнаго имъ, благодаря умѣлому сношенію съ иностранцами, на высшую степень развитія, Ѳеодоръ Петровичъ Зубковъ отличался высокими гуманными чувствами, примѣрной честностію и такимъ свѣтлымъ и широ-

нимъ умомъ, что могъ бы занять непослѣднее мѣсто въ ряду замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ настоящее время ситцевая фабрика, устроенная О. П. Зубковымъ, принадлежитъ его внукамъ.

1816 годъ. Мая 10. Строенъ сарай и перестроена задняя изба цѣною за 110 рублей; еще прибавлено 20 руб.

Плотничьи работы всегда цѣнились въ Ивановѣ очень дорого, и приводимыя въ „записи“ цифры за постройку обыкновеннаго крестьянскаго сарая и поправку избы, гдѣ помѣщались фабричныя рабочіе, достаточно говорить о цѣнности плотничьихъ работъ. Собственно въ Ивановѣ плотниковъ не было, и Ивановцы этого ремесла не знали; плотничьи артели приходили на заработки изъ Покровскаго уѣзда и частію изъ г. Плѣса, Костромской губерніи. Хотя въ указанное время въ селѣ Ивановѣ уже существовали частныя каменные постройки, но Ивановцы приступали къ нимъ весьма недовѣрчиво и не только свои дома, но и фабрики строили деревянные. Имѣя въ виду одну желанную цѣль—выкупиться на волю, Ивановскіе фабриканты опасались, чтобы построенные ими каменные дома и фабрики не усложнили давно задуманнаго дѣла, что въ послѣдствіи частію и оправдалось.

1816 годъ. Іюля съ 2-е на 3-е число. Въ ночи выгорѣло село Писцово: сгорѣло 426 домовъ. Еще того же лѣта и того же Іюля 24 дня, то-есть чрезъ 21 день (отъ перваго пожара) выгорѣло оставшее, да дровъ около 100 (саженъ). Сгорѣли: Тюринъ и Рыскинъ, за коими у меня денегъ болѣе 10,000 рублей.

Сосѣдство такого мануфактурнаго и промышленнаго центра, какъ Иваново, не могло не имѣть благотворнаго въ экономическомъ отношеніи вліянія на тѣ мѣстности, которыя составляютъ линію губернской границы. Города: Кинешма, Нерехта, и села: Писцово, Лежнево, Серeda, Вичуга, Михалково и многія другія вошли такъ или иначе въ сферу экономическихъ интересовъ Иванова; а потому пожаръ села Писцова, равно какъ и другіе пожары пограничныхъ съ Ивановомъ селъ должны быть разсматриваемы, какъ причины, имѣвшія вліяніе на развитіе ситцеваго производства нашего края.

1816 годъ. Ноябрь и Декабрь. Было доимочное солдатство, послѣднія двѣ трети (смотри «запись» 1815 г. Ноябрь) вмѣсто возвратившагося ополченія, бывшаго въ 1812 году, кто какъ пожелаетъ: ставить людьми или деньгами (платить) по двѣ тысячи за рекрута. *Ивановскіе всѣ* (т. е. всѣ Ивановскіе жители) *отдали деньгами.*

„Запись“ эта даетъ намъ замѣчательное свидѣтельство о той плотной сомкнутости въ одинъ строго охраняемый кружокъ богатыхъ и бѣдныхъ членовъ крестьянскаго общества села Иванова. Надо помнить, что не одни *богатые* крестьяне должны были ставить рекрутъ, но и *бѣдные*, для которыхъ

2000 рублей, платимыхъ вмѣсто рекрута, составляли такую внушительную сумму, что они не смѣли и помышлять о ней. Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы всѣ безъ исключенія Ивановскіе жители были богачи, и каждый изъ нихъ, не прибѣгая къ помощи другого, могъ располагать тысячами рублей, не стѣсня своего собственнаго экономическаго положенія. Ивановцы составляли изъ себя такое тѣсно-сплоченное общество, которое, по извѣстнымъ причинамъ, не желало терять ни одной своей, даже самой ничтожной, лишь бы не явно порочной, единицы, доколѣ эта единица сама собою не оставляла своего мѣста. Весьма желательно, чтобы сообщаемый этой „записью“ фактъ обратилъ на себя вниманіе такихъ знатоковъ политико-экономической жизни нашего народа, какъ достойнѣйшіе писатели наши К. П. Побѣдоносцевъ и И. И. Янжулъ.

1817 годъ. Іюля 30. Въ первый разъ ѣздилъ я въ Макарьевскую ярмарку, которая переведена отъ Макарья въ Нижній-Новгородъ, *по сю сторону Оки*, на Стрѣлкѣ, по причинѣ сгорѣвшаго у Макарья го-стиннаго двора въ прошломъ 1816 году, послѣ ярмарки, въ Августѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно отчего.

Хотя въ „записяхъ“ и нѣтъ прямого указанія времени, когда Ивановскіе фабриканты стали ѣздить съ своими товарами на ярмарки, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что ярмарочная торговля, какъ вѣрнѣйшее средство къ болѣе быстрому развитію фабричной дѣятельности, была у Ивановцевъ въ числѣ мѣръ, стоящихъ на первомъ планѣ. Мнѣ извѣстно изъ разсказовъ старожиловъ, что задолго до 1817 года ситцевые фабриканты села Иванова ходили *тышомъ* на нѣкоторые ближайшія сельскія ярмарки, при чемъ свой товаръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кусковъ выработаннаго ими ситца, *везли сами въ ручныхъ тележкахъ*. Въ 1817 году Ивановскіе фабриканты не только имѣли значительную торговлю съ Москвой и ѣздили на ярмарки въ Ростовъ и Нижній-Новгородъ, но посѣщали и такія дальнія окраины, какъ Симбирская губернія, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записъ, не вошедшая въ хронологическій порядокъ статьи: „1817 г., Мая съ 5-го на 6-е Василій Антоновъ Грачевъ (ситцевый фабрикантъ села Иванова) кончилъ свою жизнь дорогою въ Корсунъ“. Ярмарка въ Корсунѣ (Симбирской губерніи) бываетъ съ 10-го по 25 Мая. Сопоставляя эти числа съ числами „записи“ о смерти Грачева, видимъ, что послѣдній имѣлъ цѣлью своей поѣздки Корсунскую ярмарку.

1817 годъ. Заведена здѣсь сельская полиція управляющимъ Гофманомъ, состоящая изъ полицеймейстера, брантмейстера надъ пожарными инструментами, двоихъ частныхъ (приставовъ) и восьми человѣкъ *квартальныхъ*; первые четверо—благородные, а послѣдніе восемь *отставные* солдаты.

Это нововведеніе, придуманное управляющимъ Гофманомъ, отстраняло коренныхъ Ивановцевъ отъ личнаго участія въ полицейскомъ управленіи

селомъ Ивановымъ и вносило въ ихъ общественную жизнь не совсѣмъ сродный имъ городской характеръ. Насаждая эти сѣмена на крестьянской почвѣ и желая окультивировать ее полицейскими формами, управляющій Гофманъ нарядилъ, по разсказамъ старыхъ людей, всѣхъ новыхъ полицейскихъ чиновъ въ *треугольные шляпы* и вооружилъ ихъ *шпагами*, что окончательно поставило мѣстное населеніе въ крайне-враждебное отношеніе къ полицейскимъ властямъ и такъ обострило ихъ неизбежныя сношенія, что вскорѣ послѣ сформированія новой полиціи нашли одного *квартильнаго* убитымъ и посаженнымъ *въ своей полной формѣ и со шпагой въ рукѣ* на уличной лавочкѣ его квартиры. Общее неудовольствіе росло все болѣе и болѣе, и наконецъ, послѣ 1820 года, вынудило кого слѣдуетъ упразднить весь составъ полиціи и назначить въ селѣ Ивановѣ постоянную квартиру станового пристава.

1818 годъ. Февраля 28. Куплена мною «заварка» на рѣкѣ «Уводи», близъ мельницы Погорѣлки, у Михайла Родіонова Мякотина, цѣною за 50 рублей, которую я на томъ же мѣстѣ сдѣлалъ совсѣмъ новую въ Маѣ мѣсяцѣ.

„Заваркой“ называлось, да и теперь называется, фабричное зданіе, въ которомъ находились котлы (нынѣ, при общемъ употребленіи пара, замѣненные деревянными ваннами) для *завариванія* ситцевъ въ крапѣ или гарансинѣ, что, какъ извѣстно, даетъ наложеннымъ на миткаль краскамъ прочность, т. е. несмываемость. Этой записью доказывается, что Ивановскіе фабриканты въ самомъ началѣ своего ситцевого производства работали преимущественно *заварной* товаръ. Съ примѣненіемъ къ ситцевому производству пара многія фабрики сократили выработку *заварнаго* товара и стали производить болѣе *запарной* ситецъ, не имѣющій прочности красокъ, за то дающій фабриканту огромную экономію въ производствѣ. Этотъ *линяющій* товаръ, отличаясь отъ *заварнаго*, т. е. *нелиняющаго*, дешевизной своего производства и яркостью колеровъ, принесъ Ивановскимъ фабрикантамъ большія матеріальныя выгоды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на столько поколебалъ довѣріе къ доброкачественности мѣстныхъ мануфактурныхъ издѣлій, что даже до настоящаго времени Ивановскіе ситцы пользуются весьма сомнительной репутаціей, хотя современное ситцевое производство Иванова-Вознесенска заслуживаетъ лучшаго отношенія.

1818 годъ. Мартъ. Куплены мною домъ и земля послѣ покойнаго дяди моего Василя Ивановича Полушина цѣною за четыре тысячи рублей. (Домъ находится) близъ церкви «Рождества Христова».

Покупки Ивановскими крестьянами домовъ и земель оказались въ послѣдствіи весьма крупными экономическими ошибками: при послѣдующихъ выкупахъ на свободу Ивановскіе крестьяне должны были вторично платить графской конторѣ за свои дома, какъ пріобрѣтенные за наличныя деньги у

другихъ крестьянъ, такъ и за выстроенные на свои средства; въ противномъ случаѣ сказанные дома и земли отбирались при выкупѣ и передавались въ пользу вотчины. Такимъ образомъ крестьянинъ выходилъ на волю безъ всякой недвижимой собственности. Благодаря этому порядку, мой отецъ оставилъ въ пользу общества свою ситценабивную каменную фабрику и двухъ-этажный домъ, тоже каменный, съ большимъ количествомъ земли и множествомъ надворныхъ построекъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Безземельные, но свободные крестьяне кинулись покупать земли въ деревнѣ Иконниковой и въ пустоши Дмитріевской, гдѣ построили себѣ новые дома и фабрики. Такимъ образомъ положено было основаніе посаду Вознесенскому и слободѣ Дмитровкѣ, вошедшей въ составъ послѣдняго.

1818 годъ. Май. Съ 10-го на 11-е въ полночь, случился пожаръ: выгорѣла улица за оврагомъ, къ заводу Ямановскаго, называемая «Новая», сгорѣло 13 дворовъ; которую (т. е. улицу) первую *по указу выстроили*: по два двора въ рядъ и проулокъ (съ проулкомъ) въ 12 сажень.

Частые и опустошительные пожары въ селѣ Ивановѣ вынудили контору графа Шереметева выработать обязательныя строительныя правила, которыя и были объявлены Ивановцамъ особымъ „указомъ“. Но эта предохранительная мѣра мало помогла дѣлу, и Иваново продолжало часто горѣть.

1818 годъ. Май. Выгорѣло село, Серeda называемое, осталось дворовъ

„Запись“ не окончена. Село Серeda (Костромской губ.) постоянно находилось въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ, хотя и не имѣло большого значенія для производительности послѣдняго. Но никакъ не должно забывать, что всѣ лежащія окрестъ Иванова села, деревни и деревушки были тѣ маленькіе ручейки, которые, впадая въ одинъ общій бассейнъ, увеличивали его разливъ и, благодаря этому избытку, въ свою очередь питались его водами и даже сами дѣлались многоводными и обильными рѣками. Доказательствомъ сего могутъ служить села: Писцево, Лежнево, Кохма, Вичуга и другія.

1818 годъ. Май. Построена деревянная работная (фабрика) и нарублены сушила (зданіе для просушки и провѣтриванія ситца).

1818 годъ. Май и Июнь. Былъ я выбранъ повѣрять ревизію (ревизскія сказки) съ товарищемъ Семеномъ Ѳедоровымъ Черновымъ.

Ревизія была въ 1811 году. Число жителей села Иванова не превышало 3.000 человекъ; въ 60-хъ годахъ доходило до 6.000, въ настоящее время въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ числится осѣдлыхъ жителей около 12.000 человекъ. Пришлыя рабочія силы, наполняющія Иваново и его окрестности, въ извѣстность не приведены.

1818 годъ. Августъ. Отведено кладбище старообрядцамъ, а именно: «покрещиванцамъ» и «Спасову Согласію» въ рядъ со старымъ кладбищемъ (и новому)—ширины 20, длины 30 сажень; того же время (въ то же время) и обрыто канавой.

Среди ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова было нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ различнымъ религіознымъ толкамъ; но и они всѣ вскорѣ примкнули къ „единовѣрію“ и построили въ Ивановѣ единовѣрческую церковь, о чемъ будетъ сказано далѣе. Что же касается до „покрещиванцевъ“, то эта секта находила себѣ послѣдователей только среди мелкихъ торговцевъ и фабричныхъ рабочихъ. Весьма важныя свѣдѣнія о расколнникахъ села Иванова были собраны и обработаны мѣстнымъ священникомъ Покровской церкви о. Василиемъ Былинскимъ, давно уже умершимъ. Этотъ почтенный и высокоуважаемый пастырь хотѣлъ напечатать свои изслѣдованія, но, кажется, не успѣлъ.

1819 годъ. Апрель 29. Принялись класть каменную работную (фабрику): длиною 21 аршинъ, ширины 10½ аршинъ (приписка). Склали того же лѣта.

1819 годъ. Іюнь 7. Выгорѣло село Писцово; сгорѣло домовъ до 150. Выгорѣли: Рыскинъ Александръ Михайловичъ и Тюринъ, а Флягина отстояли. Еще чрезъ 12 дней, т. е. Іюня же 20-го, выгорѣло (Писцово) въ другой разъ и сгорѣло не менѣе первого.

Рыскинъ, Тюринъ и Флягинъ были, такъ сказать, послѣдователями ситцевыхъ фабрикантовъ Иванова и обильно пользовались какъ нравственною, такъ и матеріальною поддержкою послѣднихъ. Замѣчательная взаимная помощь въ фабричномъ дѣлѣ и искреннее отношеніе другъ къ другу были, можно сказать, первыми, строго исполняемыми правилами нравственнаго кодекса старинныхъ Ивановцевъ. Взаимное довѣріе доходило до поражающей простоты, что однако никому не помѣшало сохранить его во всей чистотѣ до самой смерти носителей этого качества. Благодаря такому нравственному настроенію среди зажиточныхъ Ивановцевъ, село Писцово быстро поправилось послѣ своихъ пожаровъ и опять возстановило свое промышленное значеніе.

1819 годъ. Іюль 11. Заложена колокольня на кладбищѣ. И складена (въ) 1820. Кирпича ушло 180 тысячъ; за кладу (за работу) съ тысячи 12 рублей; кирпичъ покупали 26 рублей (тысяча), известъ 50 коп. пудъ.

1819 годъ. Сентябрь Въ первыхъ числахъ избранъ въ выборные или судьи Михаилъ Ивановичъ Ямановскій, въ помощники Меѳодію Ивановичу Гарелину, (приписка) и смѣнился 29-го Генваря 1820 года.

1819 годъ. Октября 20. Выбранъ я въ сборщики или сборные старосты собирать рекрутскія деньги за отданныхъ въ рекруты *уличныхъ людей* по 800 руб. за каждаго.

Въроятно, подъ названіемъ „уличныхъ людей“ должно разумѣть различныхъ, праздно-шатающійся сбродъ, которымъ замѣняли во время набора рекрутовъ, слѣдуемыхъ съ осѣдлыхъ семействъ. Семьи, освобожденные такимъ образомъ отъ рекрутскаго набора, платили вотчинъ по 800 рублей за рекрута. Этотъ сборъ предназначался въ пользу уличныхъ людей, отданныхъ въ солдаты, что прямо указывается словами „записи“: „рекрутскія деньги“. Записи 1767 года, Января 26-го и 1812 года, Апрѣля и Мая, подтверждаютъ сущность нашего примѣчанія.

1819 годъ. Декабря 22. Пріѣхалъ въ наше село управляющій, его высокородіе, статскій совѣтникъ Андрей Алексѣевичъ Савичъ и вступилъ въ должность 23-го сего мѣсяца.

1820 годъ. Январь и Февраль. Покупалась ржаная мука 1 руб. 20 к. и 1 руб. 30 коп. пудъ; пшеничная—2 руб. пудъ; дрова—5 руб. 50 к. сажень (три аршина) сосновыя, а березовыя—8 рублей (ассигн.).

Въ настоящее время березовыя дрова въ Ивановъ-Вознесенскъ продаются не дороже 5 р. 50 к. сажень, между тѣмъ какъ потребленіе ихъ сравнительно съ 1820 годомъ возросло на сотни процентовъ; но это экономическое положеніе построено на крайне-непрочномъ фундаментѣ: беспощадная вырубка окрестныхъ роцъ и лѣсовъ даетъ возможность создавать обильные приливы лѣсного матеріала и тѣмъ поддерживать низкій уровень его цѣны; но, само собой разумѣется, что такое, вызванное искусственными мѣрами, явленіе долго продолжаться не можетъ, и Ивановскимъ фабрикантамъ должно позаботиться о скорѣйшей замѣнѣ деревяннаго топлива торфомъ или углемъ.

1820 годъ. Октябрь. Отмѣнена здѣсь полиція, а вмѣсто оной выбраны полицеймейстеръ и помощникъ: Михаилъ Ефимовъ Опаринъ и Михаилъ Ефимовъ Гарелинъ.

Это желательное для крестьянъ села Иванова возвращеніе къ старымъ порядкамъ слѣдуетъ приписать личной волѣ гуманнаго и незабвеннаго по своимъ высокимъ душевнымъ достоинствамъ владѣльца села, графа Д. Н. Шереметева, вступившаго въ этомъ году въ фактическое владѣніе своими имѣніями, находившимися до 1820 года по случаю несовершеннолѣтія графа, въ опекуномъ управленіи, что свидѣлствуется слѣдующей записью моего отца, помѣщенной почти рядомъ съ записью объ отмѣнѣ полиціи: „*1820 г. Февраль 3. Его сіятельство, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ вышелъ изъ-подъ опеки и вступилъ въ родительское наследственное имѣніе*“.

1821 годъ. Были: управляющій тотъ же Савичъ, выборный Иванъ Ивановъ Бабуринъ, сборный староста *Аннлей* Степановъ Удинъ, полицеймейстеръ Иванъ Михайловъ Ямановскій, помощникъ Діодоръ Андреевичъ Бурылинъ.

Съ любовію останавливаемся на фамиліи послѣдняго лица. Никто съ такою готовностію не посвящалъ себя на общественное служеніе, какъ Д. А. Бурылинъ, и никто такъ строго не относился къ своимъ дѣйствіямъ, какъ этотъ кроткій, честный и незлобивый человѣкъ. Устроенная имъ ситцевая фабрика существуетъ и теперь; она принадлежитъ его внуку и считается въ числѣ образцовыхъ.

1821 годъ. *Февраля 14.* Сегодняшній день переведенъ здѣсь, въ селѣ Ивановѣ, торгъ съ Воскресенья на Понедѣльникъ стараніемъ здѣшнихъ жителей, а наипаче Алексѣя Евдокимовича Постникова.

Перемена дней торга не вызывалась какими-либо комерческими расчетами, а имѣла чисто-нравственный религіозный характеръ. Позднѣ Ивановцы имѣли уже два торга въ недѣлю: въ Понедѣльникъ и Четвергъ; въ эти базарные дни въ Иваново привозили изъ окрестныхъ селъ и деревень различнаго рода продукты и товары, начиная съ дровъ и миткаля и кончая деревянными ложками и чашками. Денежные обороты Ивановскихъ базаровъ усиливались съ каждымъ годомъ и доходили до полумилліоннаго итога въ каждый базарный день. Въ настоящее время эти торги значительно утратили свою силу: дрова, пряжа и миткаль вышли изъ рыночнаго круга; первые стали пріобрѣтаться крупными покупками лѣсныхъ дачъ, а вторые, пряжа и миткаль, доставляются по заказу прямо на фабрики, минуя базары.

1822 годъ. *Мая 10.* Въ полдень сгорѣло село Михалково все; осталось только три дома, а сгорѣло домовъ до 60. Ко всеобщему сожалѣнію *стопилась* (сгорѣла) церковь и колокольня (сгорѣла); колокола растопились, а изъ церкви ничего не вынесли (не спасли), ибо въ ней сперва загорѣлось, но по какой причинѣ, того неизвѣстно.

Село Михалково упоминается въ примѣчаніи къ записи отъ 2—3-го Іюля 1816 года.

1823 годъ. *Февраль.* Съ 4-го на 5-е въ ночи случилось похищеніе изъ церкви «Покрова Пресвятой Богородицы», вновь выстроенной Гандуринымъ: *влезено* въ окно отъ западной стороны выломанъ кругъ въ срединѣ рѣшетки и ободраны двѣ иконы: Казанская и Смоленская Божія Матерь, на коихъ было жемчугу до 2½ фунтовъ и (много) драгоценныхъ камней, всего на 50,000 рублей, и разломана у старосты, (которымъ) въ то время былъ Яковъ Куваевъ, *казенка* (т. е. денежный и свѣчный ящикъ, или конторка) и похищено денегъ 50 рублей.

Въ тоже время, т. е. 5-го числа, поутру и взять (арестованъ) по сомнѣнію (недоразумѣнію въ кражѣ) проживающій здѣсь села Писцовъ плотникъ Иванъ Петровъ Хохловъ съ товарищемъ Василемъ Вихоревымъ, который (т. е. Вихоревъ) 10-го числа сего мѣсяца сознался (въ кражѣ) и отвелъ (слѣдователя, понятыхъ и священниковъ) на мѣсто, гдѣ (были) спрятаны похищенныя вещи, зарытыя въ снѣгу по Писцовской дорогѣ, недалеко отъ Иванова; а 11-го числа сознался и Хохловъ (позднѣйшая приписка). Оба преступника того же года, Октября 3-го наказаны здѣсь на площади: Хохлову (дано) 60, а Вихореву 50 ударовъ кнутомъ, и оба клеймены и сосланы въ Сибирь.

Объ этомъ происшествіи сохранилось слѣдующее преданіе. Когда арестованный Вихоревъ лежалъ на койкѣ въ арестантской комнатѣ сельскаго правленія, въ это время раздался заунывный звонъ большого колокола Покровской церкви, въ которой совершено было похищеніе. Звонъ этотъ производился по распоряженію настоятеля храма и имѣлъ своею цѣлью собрать всѣхъ жителей села для объявленія имъ прискорбнаго событія; медленные удары колокола, вызывавшіе заунывный звонъ, произвели на преступника сильное впечатлѣніе: онъ началъ трястись всѣмъ тѣломъ и *похолодѣлъ*, лихорадочная дрожь перешла въ конвульсивныя судороги; его начало подбрасывать на койкѣ съ такою силой, что присутствовавшіе при этомъ пришли въ ужасъ. Это явленіе заставило повторять заунывный звонъ каждое утро, Вихоревъ не выдержалъ, горько заплакалъ и сознался во всемъ.

1824 годъ. Апрель. По приказу его сіятельства графа, смѣненъ управляющій г. Савичъ, а на мѣсто его избранъ изъ своихъ крестьянъ Меодій Ивановичъ Гарелинъ.

Назначеніе того или другаго лица управлять селомъ Ивановымъ замѣнено съ 1824 года *выборами*, предоставленными крестьянскому обществу. Эта система просуществовала до 1832 года, за тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, стала подвергаться измѣненіямъ и наконецъ создала *борьбу партій*, образовавшихся послѣ *выхода на волю* тѣхъ Ивановскихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ со своимъ матеріальнымъ значеніемъ составляли и нравственную силу общества.

1824 годъ. Въ семь году платилъ я оброку съ восьми тягъ, съ cadaго по 55 рублей—всего 440 рублей.

Въ этомъ году въ семействѣ моего отца было только два члена обязанныхъ платить оброчный налогъ; а именно: отецъ мой и сынъ его Маркелъ 14 лѣтъ, которые составляли два оброчныя тягла; между тѣмъ изъ настоящей записи видимъ, что эти два лица обязаны были заплатить восемь тягъ оброку, т.-е. не 110 рублей въ годъ, какъ бы слѣдовало по нормѣ постоянного оклада, а 440 рублей. Такое отступленіе отъ опредѣленной цифры несли на себѣ только одни ситцевые фабриканты села. Сопоставляя сумму оброка, платимаго въ 1824 году Ивановскимъ фабрикантомъ-крестья-

ниномъ, съ тѣми суммами гильдейскихъ повинностей по 3-му разряду, которыя уплачивалъ правительству вышедшій на свободу тотъ же Ивановскій фабрикантъ, мы увидимъ, что отъ происходившей въ семъ случаѣ разницы, добровольно принимаемой на себя правительствомъ въ продолженіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ (1824—1884), государственная казна потеряла не одинъ десятокъ миллионовъ рублей.

1824 годъ. Іюль. Складенъ мною каменный, двухъэтажный домъ въ улицѣ «Негорѣлой», на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый родительскій домъ.

Этотъ домъ сгорѣлъ въ большой пожаръ 1839 года; выстроенный же вмѣсто него новый домъ остался впоследствии въ пользу вотчины безъ всякаго со стороны послѣдней вознагражденія владѣльцу (См. примѣчаніе къ выписи 1818 года, Марта мѣсяца). Крестьяне села Иванова, выкупаясь на волю, выговаривали себѣ право владѣть своимъ недвижимымъ имѣніемъ извѣстное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ имущество это должно быть продано графскимъ крестьянамъ. Подходило ли это условіе къ дому отца моего, построенному *послѣ выхода на свободу*, судить не берусь; но только отецъ мой послѣ пожара 1839 года выѣхалъ изъ Иванова и поселился въ слободѣ Дмитровкѣ, гдѣ и выстроилъ вновь и домъ, и фабрику.

1824 годъ. Ивановскіе фабриканты заплатили пошлину за свои фабрики, которая (пошлина) стоила по 1460 рублей (каждому фабриканту). Не всѣ (заплатили), а только человекъ 40, а послѣдніе, человекъ 150, работали, не заплатя ничего, *ибо строгость ослабла* (позднѣйшая приписка), а (въ) 1825 году вышло гильдейское дополнительное постановленіе.

Интересъ и значеніе этой записи не маловажны. Она даетъ ясное представленіе о тѣхъ же правительственныхъ мѣрахъ, которыя въ былое время, благодаря пропускамъ и недомолвкамъ, обильно украшающимъ торговый и фабричный уставъ, то и дѣло падали въ видѣ неожиданныхъ аэролитовъ на головы торговцевъ и фабрикантовъ. Впрочемъ, послѣдніе и не признавали эти, ничѣмъ не мотивированные, наскоки Департамента Мануфактуръ и Торговли за мѣры, установленныя закономъ, а прямо называли ихъ „строгостями“, имѣющими чуть ли не карательное значеніе. Только въ 1824 году правительство обратило свое вниманіе на ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова и поспѣшило, уразумѣвъ свои ошибки, сорвать съ нихъ торговые и фабричныя пошлины за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ; но и это, незаконное обычнымъ порядкомъ, пополненіе государственнаго бюджета новою статьей прихода было совершено съ такою видимою распушенностью, что изъ общаго числа Ивановскихъ фабрикантовъ *три четверти* не заплатили никакихъ пошлинъ, „ибо строгость ослабла“. Вышедшее въ 1825 году *дополнительное постановленіе* о гильдейскихъ пошлинахъ, о чемъ упоминается въ настоящей записи, было вызвано тѣмъ исключительнымъ случаемъ,

который здѣсь свидѣтельствуется. Благодаря этой же записи, устанавливается свѣдѣніе о числѣ ситцевыхъ фабрикъ въ селѣ Ивановѣ: въ 1824 году ихъ было 190. Теперь мы можемъ себѣ представить, какая громадная промышленная сила клубилась и развивалась въ этомъ крѣпостномъ крестьянскомъ гнѣздѣ, пріютившемся за дремучими Муромскими лѣсами, на темной узкой полоскѣ воды, именуемой рѣчкой Уводью.

1825 годъ. Былъ управляющій Неоодій Ивановичъ Горелинъ, выборный—Абрамъ Филипповъ Полушинъ; полицеймейстеръ или дозорный—Иванъ Дмитревъ Козыревъ; его помощникъ—Вонифатъ Фирсовъ Кононянниковъ; сборный староста—Василій Алексѣевъ Напалковъ; расходный—Василій Петровъ Дурденевскій. Управляющій Горелинъ съ 1-го Февраля былъ въ отлучкѣ, послѣ хворалъ и померъ Іюня 1-го въ Москвѣ, а управлялъ (вотчиной) одинъ выборный Полушинъ (авторъ настоящихъ записокъ) по 6-е Іюля, а съ того числа поступилъ въ управляющіе, вмѣсто Горелина, Яковъ Якимовъ Куваевъ.

1825 годъ. Съ весны стали расписывать живописью въ церкви у Покрова Пресвятой Богородицы; поряжены за 14.000 рублей, села Тейкова, Тимошей и Епифанъ Медвѣдевы.

Братья Медвѣдевы были довольно талантливые художники - самоучки; церковная и портретная живопись была ихъ любимымъ дѣломъ и давала имъ хорошій заработокъ. Въ массѣ портретовъ, исполненныхъ этими художниками, встрѣчаются произведенія, безусловно говорящія о крупномъ, хотя и не разработанномъ, талантѣ. Къ числу такихъ удачныхъ работъ можно причислить портретъ моего отца, рисованный однимъ изъ братьевъ Медвѣдевыхъ.

1826 годъ. Августъ. Началъ я строить заводъ для дѣланія матеріаловъ, а особливо (въ особенности) купороснаго масла на купленной сего года у Михаила Дурнова землѣ, лежащей близъ Вардинскаго протока (позднѣйшая приписка), на постройку котораго (завода) и производство получилъ я «указъ» Московскаго Горнаго Правленія въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года.

Существованіе этого завода было непродолжительно, такъ какъ усиливавшееся годъ отъ году производство на ситцевой фабрикѣ моего отца отвлекало его вниманіе отъ этого предпріятія; но оно, все-таки, успѣло принести хорошій плодъ для всѣхъ ситцевыхъ фабрикантовъ села Иванова: слѣдуя примѣру моего отца, въ Ивановѣ появилось множество химиковъ-самоучекъ, изъ которыхъ многіе даже до позднѣйшаго времени снабжали своими матеріалами ситцевыя фабрики села и, такимъ образомъ, нажили себѣ хорошія состоянія. Популярнѣйшими изъ этихъ доморощенныхъ химиковъ было двое: *Горевъ и Николай Зосимычъ* (фамилія послѣдняго не помню); перваго изъ нихъ отецъ мой величалъ въ честь Балъзаковского героя „старикомъ Горіо“. Позднѣе Московскій купецъ В. А. Лепешкинъ устроилъ въ

селѣ Ивановѣ (на Дмитровкѣ) большой химическій заводъ, существующій и до настоящаго времени.

1827 годъ. Въ семь году платилъ я съ десяти тяглъ оброку, съ каждаго по 55 рублей, всего 550 рублей.

Число оброчныхъ тяглъ, платимыхъ моимъ отцомъ, увеличивалось, по свидѣтельству записей, слѣдующимъ порядкомъ: въ 1814 г. платилось оброку 2 тягла; въ 1817 г.—3 тягла; въ 1819 году—5 тяглъ; въ 1824 г.—8 тяглъ и въ 1827 г.—10 тяглъ. Этотъ порядокъ, близкій къ систематической точности, даетъ приблизительное понятіе о развитіи матеріальнаго достатка даннаго лица, такъ какъ никакія другія причины не служили основаніемъ видимыхъ здѣсь числовыхъ разницъ. Это опредѣленіе подкрѣпляется примѣчаніемъ къ выписи 1824 года и тѣми семейными записями отъ 1814 года по 1827 годъ, по свидѣтельству которыхъ число членовъ семьи моего отца, подлежащихъ оброчной повинности, было во весь этотъ періодъ времени одно и тоже. Разумѣется, эта система повышенія оброчныхъ повинностей была примѣняема и къ другимъ лицамъ по мѣрѣ видимой доходности ихъ дѣла.

1827 годъ. Выпустилъ на волю его сіятельство графъ Дмитрій Николаевичъ шурина моего Савву Кирилловича Шомова *перваго*; потомъ семей пять Юхотскихъ(?).

Подчеркнутое нами слово „перваго“ означаетъ, что С. К. Шомовъ былъ первый по числу изъ Ивановскихъ крестьянъ, получившихъ свободу; за нимъ послѣдовалъ длинный рядъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Періодъ времени отъ 1827 года по 1839 годъ можно назвать „періодомъ освобожденія“. Въ эти 12 лѣтъ вышли изъ крѣпостной зависимости 34 семьи самыхъ крупныхъ Ивановскихъ фабрикантовъ. Выкупная сумма не превышала 20,000 р. съ семьи и въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры. Принимая въ соображеніе крупные денежные капиталы освобожденныхъ лицъ и ихъ громадное значеніе для экономическаго роста с. Иванова, мы видимъ, что та или другая величина выкупной суммы не имѣла въ данномъ случаѣ никакого уравнительнаго значенія и не только не составляла съ этой стороны *причину дѣйствія*, но прямо противорѣчила этой причинѣ. Фактъ крупный и небывалый въ исторіи крѣпостного права!

1827 годъ. Сего года, въ Мартъ и Іюнь мѣсяцахъ, съ дозволенія его сіятельства графа, отданы на поселеніе 12 человекъ плутовъ и распутныхъ людей.

Всѣ болѣе или менѣе строгія мѣры, направленные противъ злонамѣренныхъ нарушителей общественнаго спокойствія и порядка, возникали по инициативѣ самого крестьянскаго общества, тѣательно вырывавшаго плевелы изъ своего поля. Предоставляя частной и общественной жизни своихъ крестьянъ полную свободу дѣйствій, графъ Шереметевъ только контролировалъ эти дѣйствія, никогда не нарушая ихъ своеобразнаго теченія. Благодаря такой гуманнѣйшей системѣ управленія, ни разу не измѣняемой ни

однимъ членомъ этой владѣтельной семьи, мы видимъ, что ни одно изъ помѣщичьихъ имѣній того времени не проявляло столько разумной жизни и энергіи въ своемъ развитіи и самоуправленіи, сколько явили того и другого крѣпостные крестьяне графа Шереметева и не только въ одномъ селѣ Ивановѣ, но и во всѣхъ его многочисленныхъ вотчинахъ (См., Село Павлово, статья г. Безобразова, „Наблюдатель“ 1855 г.).

1828 годъ. Уволены на свободу его сіятельствомъ графомъ Дмитриемъ Николаевичемъ братья Гарелины: Петръ и Никонъ Мееодьевы. Дома ихъ и фабрики предоставлены имъ (на условіи) пользоваться на 25 лѣтъ, а по истеченіи оныхъ позволено имъ все недвижимое имѣніе продать графскимъ крестьянамъ.

Впослѣдствіи это условіе было уничтожено; по новому соглашенію, дома и фабрики братьевъ Гарелиныхъ перешли въ ихъ полное потомственное владѣніе. Сынъ упомянутаго въ записи Петра Мееодьевича Гарелина Яковъ Петровичъ Гарелинъ служитъ въ настоящее время городскимъ головой города Иванова-Вознесенска и имѣетъ большую, хорошо устроенную ситцевую фабрику, которую сдаетъ въ аренду. Самъ же Я. П. Гарелинъ производствомъ ситцевъ давно не занимается. Съ грустію вычеркиваемъ изъ списка Ивановскихъ фабрикантовъ эту даровитую и развитую личность.

1829 годъ. Сентябрь. Стали у меня на заводѣ (химическомъ) дѣлать квасцы.

Весьма жаль, что въ „Памятной книгѣ“ моего отца не сказано, подъ чѣмъ руководствомъ выработывались на его заводѣ химическіе матеріалы. Можно предположить, что это дѣло велось съ нѣкоторымъ знаніемъ, такъ какъ сохранившіяся у меня книги, въ которыя вписывалась продажа матеріаловъ, указываютъ, что требованія покупателей были довольно частыя и крупныя. Такое положеніе дѣла можетъ создаться выработкой вполне доброкачественнаго продукта, не иначе.

1829 годъ. Въ семь году былъ прикащикъ по Пасху Ларіонъ Степановичъ Удинъ; выборный—Иванъ Ивановичъ Борисовъ; сборный староста—Афанасій Куваевъ; расходный Никандръ Александровичъ Бабуринъ; а по увольненію ихъ графомъ на свободу, на мѣсто прикащика выбрали Ефима Алексѣевича Дурденевскаго; выборнаго—Григорія Ивановича Каменева; сборнаго старосты—Ивана Петрова Веденева; расходнаго—Льва Иванова Дурденевскаго.

Новый составъ выборныхъ уже не имѣлъ того вліянія и того значенія, какими пользовались въ своей крестьянской средѣ уволенные на свободу лица; нравственный цензъ новыхъ правителей села Иванова былъ безупреченъ, и половина изъ нихъ занимала уже ранѣ общественныя должности, хотя и менѣ значительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ мы видимъ ихъ теперь; но общественное мнѣніе крестьянъ, привыкшихъ видѣть во главѣ своего управленія такихъ вліятельныхъ капиталистовъ, какъ „Толстый

Яманъ“ или гостепріимный Гарелинъ, не могло разумно помириться съ этой переменой и допустило въ средѣ своей тѣ пререканія и раздоры, которые по выходѣ на свободу послѣднихъ крупныхъ членовъ крестьянскаго общества не замедлили создать ожесточенную борьбу партій.

1830 годъ. Генварь. Куплена мною земля *гумённая* близъ моего купороснаго завода, шириною 14, длиною 59 сажень (между гумёнными же землями Евстратія Степанова Леонтьева и Трифона Михайлова Зубкова) села Иванова у крестьянской вдовы Анны Алексѣевой Мелузовой за сто рублей.

Въ „купляхъ“ и „продажахъ“ подобнаго рода продавалась или покупалась никакъ *не земля*, въ точномъ смыслѣ этого слова (ибо она составляла неотъемлемую собственность помѣщика), а здѣсь уступалось или пріобрѣталось одно *право* владѣнія землей, право неустойчивое и неогражденное отъ случайностей и личнаго произвола, а потому сказанная въ сей записи денежная сумма не можетъ служить мѣриломъ дѣйствительной цѣнности земель Ивановской вотчины.

1830 годъ. Цѣна муки ржаной—1 руб. 5 коп.; пшеничной—1 руб. 60 коп. Дрова березовыя—7 рублей, сосновыя—4 руб. 50 коп. за сажень.

Сравнивая настоящую записъ съ записью такого же рода 1820 года, Января и Февраля мѣсяцевъ, мы увидимъ, что цѣна дровъ сосновыхъ и березовыхъ понизилась на одинъ рубль въ сажени. Причина этого пониженія объясняется примѣчаніемъ къ Январской записи 1820 года.

1830 годъ. Съ 1825 года по 1827, то-есть два года, платилъ я въ казначейство за свидѣтельство (право производства и торговли) по третьему роду, за которое сходило по 200 рублей (см. примѣчаніе къ четвертой выписи 1824 года), а 1827, 1828, 1829 и 1830 года платилъ по второму роду, за которое (т. е. за каждое свидѣтельство) сходило въ годъ по 1040 рублей монетою.

Вотъ эти-то торговыя и промысловыя пошлины и составляли сущность того „дополнительнаго гильдейскаго постановленія“ 1825 года, о которомъ говорится въ припискѣ къ записи 1824 года. Заключительное слово этой записи—„монетою“ поясняетъ, что торговыя пошлины, вносимыя въ казначейство, платились металлическими деньгами, а не бумажками, что тогда не составляло той денежной разницы, которая появилась при новомъ биржевомъ курсѣ, введенномъ въ общее употребленіе въ 1839 году.

1831 годъ. Въ 1830 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, записался я въ Петровское купечество, въ 3-ю гильдію. Петровскъ 22 версты отъ Ростова. А на 1831 годъ во вторую гильдію.

Причина, почему авторъ замѣтокъ не записался купцомъ своего уѣзнаго города Шуи, отстоящаго отъ Иванова всего въ 30 верстахъ, а предпочелъ внести гильдейскія пошлины въ заштатный городокъ Ярославской губерніи, объяснялась страхомъ, порождаемымъ праздничными набѣгами на

Ивановскихъ фабрикантовъ Шуйскихъ чиновниковъ и частыми городскими выборами. Набѣги Шуйскихъ чиновниковъ врѣзались и въ мою память: живо помню, какая тревога и бѣготня поднимались въ домѣ моего отца, когда въ Рождественскіе праздники или Пасху на дальней дорогѣ изъ Шуи на Дмитровку показывалась длинная вереница разнообразныхъ экипажей, нагруженныхъ секретарями, столоначальниками, писцами и тому подобными дѣятелями Шуйскихъ присутственныхъ мѣстъ! При видѣ этой орды Сперанскихъ, Успенскихъ, Приклонскихъ, идущихъ и ѣдущихъ поздравлять Ивановскихъ купцовъ съ праздникомъ, всѣ окна въ домѣ занавѣшивались, двери запирались, и повсюду наступала такая поразительная тишина, что слова дворника, возвѣщавшаго отсутствіе всѣхъ жильцовъ дома, можно было принять за чистую, откровенную истину. Тоже самое творилось въ эти дни во всѣхъ купеческихъ домахъ Иванова; но не всегда этотъ единственный для всѣхъ способъ защиты имѣлъ надлежащій успѣхъ: какая-нибудь хитрая уловка, коварно подпущенная зацѣпой-секретаремъ, обнаруживала обманъ, и тогда несчастный купецъ платился сторицею.

1831 годъ. На сей годъ были начальники здѣшней Ивановской вотчины: прикащикъ—Еѣимъ Алексѣевичъ Дурденевскій, выборный—Иванъ Александровичъ Бабуринъ, сборный староста—Константинъ Дмитріевичъ Бурковъ; расходный—Серапіонъ Филипповъ Журавлевъ, полицеймейстеръ или дозорный—Андрей Ивановичъ Ячиковъ; его помощникъ Иванъ Архипычъ Хоринъ; волостой выборный д. Рылихи—Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ.

Въ настоящемъ составѣ выборныхъ мы видимъ новое лицо съ новымъ представительствомъ: это *депутатъ* деревни Рылихи Борисъ Никифоровичъ Боровенковъ, допущенный въ число членовъ Ивановскаго волостнаго правленія. Это нововведеніе указываетъ, что Ивановское общество нашло новый источникъ индивидуальныхъ силъ, могущій постепенно пополнять уменьшавшееся годъ отъ году число выборныхъ. Хотя эта разумная мѣра и не создала *образа* прошлаго правленія, но дала Ивановамъ нѣкоторое *подобіе ея*. Такое положеніе дѣлъ общественнаго управленія сохранилось до 1837 года, затѣмъ окончательно поколебалось и вызвало тотъ нежелательный порядокъ дѣйствій, о которомъ я говорилъ въ примѣчаніи къ записи 1829 года.

1831 годъ. Апрель. Покупали муку пшеничную—2 руб. 50 коп.; ржаную—1 руб. 5 коп. за пудъ; овесъ—6 рублей четверть, 8 мѣръ; дрова сухія: березовыя—5 рублей, разнолѣсокъ, то-есть: сосновыя, еловыя и осиновыя—3 руб. за сажень, не только Апрель мѣсяцъ, но и Мартъ и Февраль.

1831 годъ. Май. Построена мною деревянная рабочая изба на землѣ Кокуйской (т. е. на участкѣ земли, входящей въ линію улицы, называемой «Кокуйской» или «Кокуй»).

Изъ настоящей записи мы усматриваемъ, что крестьяне, получившіе свободу, могли арендовать у волостнаго правленія землю и возводить на

ней постройки, что, разумѣется, отдаляло время ихъ выселенія, постепенность котораго была въ прямыхъ интересахъ экономическаго положенія с. Иванова.

1831 годъ. Июль. Въ селѣ Тейковѣ, отстоящемъ отъ Иванова въ 30 верстахъ, свирѣпствовала болѣзнь, называемая «холера», которой померло въ 5 недѣль до 150 человекъ, а всѣхъ въ Тейковѣ жителей до 1000 человекъ. Недѣлей или двумя попозднѣе была таже болѣзнь въ городѣ Шуѣ, гдѣ померло тоже до 150 человекъ, а въ Августѣ была здѣсь, въ селѣ Ивановѣ; но, благодаря Всевышнему, очень слабо дѣйствовала, и всего померло не болѣе 30 человекъ. Смотрителями (санитарами) были изъ благородныхъ: Гаврило Андреичъ Иконниковъ, изъ купечества Николай Ивановичъ Бояркинъ, купецъ Ростовскій. Жителей же въ Ивановѣ и съ посторонними считается до 10.000 человекъ.

Строгія мѣры предосторожности, принятыя Ивановскими жителями, сохранили ихъ отъ страшнаго несчастія. Масса фабричныхъ, никогда неотличающихся чистоплотностію, отсутствіе больницъ и всякой медицинскоя помощи, наконецъ паническій страхъ жителей—могли превратить этотъ полный жизни, богатый разсадникъ промышленности въ одну громадную скудельницу. Сравнительно ничтожное количество жертвъ, выхваченное холерой изъ 10,000 человекъ, составлявшихъ въ то время коренное и пришлое населеніе села, не могло имѣть сильнаго угнетающаго впечатлѣнія на Ивановцевъ, почему и не отразилось губительными для всего края остановками въ ходѣ мануфактурныхъ и торговыхъ дѣлъ. Умершихъ отъ холеры Ивановцы хоронили на особомъ, заблаговременно отведенномъ для сего случая кладбищѣ, о чемъ упоминается въ одной записи слѣдующаго содержанія: *„1831 годъ. Августа 22. Померъ отъ холеры Петръ Алексѣевичъ Поповъ, или Новожилловъ; похороненъ на новомъ кладбищѣ, а не тутъ, гдѣ хоронились умершіе отъ холеры, т. е. между „Новымъ кладбищемъ“ и „Старообрядскимъ“.*

1831 годъ. Въ 1831 году большой былъ неурожай травъ и ярвымъ хлѣбамъ, отчего кормъ скотины былъ очень дѣрогъ.

Этой записью объясняется причина тѣхъ высокихъ цѣнъ на овесъ и муку, которыя мы находимъ въ выписи отъ Апрѣля мѣсяца сего же 1831 года.

1832 годъ. Генварь. Продавали муку ржаную—1 руб. 20 коп.; пшеничную, несѣянную—2 руб. 25 коп.; крупу—1 руб. 50 коп., говядину—3 руб. за пудъ; овесъ—6 рубл. четверть, въ 8 мѣръ; дрова аршинныя березовыя—6 рублей; сосновыя и разныя—3 руб. сажень.

1833 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 50 коп.; крупа—2 руб. 10 коп.; говядина—4 руб. за пудъ; овесъ—5 руб. четверть; дрова аршинныя березовыя—7 руб. 50 коп.; разногѣсокъ—4 рубля 50 коп. сажень.

Развитіе мануфактурной промышленности, привлекая въ село Иваново массы рабочихъ силъ, разумѣется, служило главной и постоянной причиной повышенія цѣнъ на главные жизненные продукты, что мы и видимъ изъ сравненія „записей“ свидѣтельствующихъ о состояніи рыночныхъ цѣнъ за весьма продолжительное время (1766—1833 года и далѣе); но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ цѣны на дрова, вызываемыя ненормальной постановкой дровяного дѣла, о чемъ мы упоминали уже, равно и цѣны на пшеничную муку и говядину, имѣющихъ своими покупателями болѣе зажиточный классъ населенія, не могутъ служить такими вѣскими данными о движеніи народонаселенія края и о степени его благосостоянія, какъ рожь и крупа.

1833 годъ. Октябрь. Продавалась мука ржаная—2 руб. 80 коп.; пшеничная—2 руб. 80 коп.; крупа—2 руб. 70 коп за пудъ. Пшено—4 руб. 50 коп; овесъ новый—6 руб. 50 коп.; старый—8 руб. четверть.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, что цѣны ржаной и пшеничной муки уравнились безъ малѣйшей разницы, что, вѣроятно, было вызвано новымъ неурожаемъ ржи. Это предположеніе подкрѣпляется, какъ мы увидимъ далѣе, записью слѣдующаго 1834 года. Сказанное равновѣсіе цѣнъ не имѣло въ себѣ ничего утѣшительнаго, такъ какъ переложить потребление ржаной муки на пшеничную не представлялось возможнымъ въ виду ограниченнаго привоза послѣдней.

1834 годъ. Апрель и Маія. Продавалась здѣсь (въ Ивановѣ) п въ окрестности ржаная мука *3 рубля 70 коп.* за пудъ.

1834 годъ. Декабрь. Продавалась ржаная мука—2 руб. 20 коп. пудъ.

1836 годъ. Въ Мартъ. Здѣшнимъ жителемъ, Московскимъ купцомъ Иваномъ Александровымъ Бабуринымъ, выстроень мостъ своимъ коштомъ (т. е. своими денежными средствами) чрезъ рѣку Уводь, называемый «Соковъ», стоющій ему, Бабурину, до 15.000 рублей.

Въ простомъ народѣ существуетъ весьма распространенное преданіе, что постройка моста избавляетъ его строителя отъ посмертныхъ адскихъ мученій, если таковыя было бы суждено испытать ему. Какъ жаль, что такая утѣшительная награда не связана съ постройкой школы!

1836 годъ. Декабрь. Была цѣна мукъ ржаной—1 руб. 10 коп. Овесъ—5 рублей четверть, 8 мѣръ.

1837 годъ. Мая 13-го. Въ 9-мъ часу утра его императорское высочество, великій князь Александръ Николаевичъ при путешествіи своемъ по Россіи соизволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ село Иваново; отслушавъ литургію въ Покровской церкви и осмотра фабрику Юрьевецкихъ купцовъ, братьевъ Петра и Никона Мееодьевыхъ Горелиныхъ, въ 12 часовъ изволилъ отправиться въ путь, въ Кострому, чрезъ село Писцово и г. Нерехту.

Маршрутъ наслѣдника-цесаревича, намѣчавшій ему путь чрезъ сѣла Иваново, Писцово и городъ Нерехту, доказываетъ, что уже въ то время вниманіе правительства было достаточно обращено какъ на самое село Иваново, такъ и на весь окружающій его районъ фабричной дѣятельности. Упоминаемая здѣсь ситцевая фабрика братьевъ Гарелиныхъ была въ то время среди всѣхъ Ивановскихъ фабрикъ самой обширнѣйшей по количеству своего производства и самой лучшей по качеству издѣлій; въ послѣдствіи это за- видное первенство она уступила фабрикѣ Зубкова и другихъ.

1838 годъ. Съ 1-го Генваря указомъ учреждены по два въ уѣздѣ становые пристава изъ дворянъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ первый станъ (назначенъ) въ с. Васильевскомъ, а 2-й въ Ивановѣ, и при нихъ учреждены канцеляріи, и всѣ дѣла поступили въ ихъ вѣдомство, а они ужъ должны относиться въ городъ (Шую) въ Земскій Судъ. Въ каждомъ станѣ назначены къ становому приставу въ помощники *тысячники*, выбираемые изъ крестьянъ. Въ Ивановѣ избранъ къ сей должности Никита Никитинъ Шаваевъ, а становой приставъ—Константинъ Иванычъ Бальмонтъ.

Назначеніе становыхъ приставовъ не уничтожило тѣхъ сельскихъ полицейскихъ должностей, которыя мы видимъ въ каждомъ составѣ выборныхъ. Должности дозорнаго или полицеймейстера и его помощника не были упразднены до 1842 года и исправлялись, какъ и въ прежніе года, выборными изъ крестьянъ; дальнѣйшее существованіе этого порядка намъ неизвѣстно, такъ какъ записи о выборахъ кончаются 1843 годомъ.

Первые по времени становые пристава села Иванова сидѣли на своихъ мѣстахъ *долю* и *криико*; но затѣмъ, когда понятие о такомъ „золотомъ днѣ“, какъ Иваново, получило, гдѣ слѣдуетъ, надлежащее опредѣленіе, тогда *смысла* становыхъ приставовъ получила характеръ какой-то періодической неустойчивости, напоминающей прилѣты и отлѣты жаворонковъ. Разумѣется, кромѣ этой, такъ сказать, господствующей, причины, здѣсь было немало и другихъ болѣе уважительныхъ.

1838 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—1 руб. 90 к. пудъ; дрова березовыя—9 руб.; разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1838 годъ. Мартъ. Покупалась мука ржаная—1 руб. 25 коп.; крупа—2 руб. 80 коп.; масло льняное—9 рублей пудъ. Дрова березовыя аршинныя—9 рублей; разнолѣсныя—6 руб. сажень.

1838 годъ. Съ 31-го Марта на 1-е Апрѣля въ полночь сгорѣли лавки около ограды, построенныя лицомъ къ потоку, всего 48, и пригорѣло въ нихъ много муки и бакалейныхъ товаровъ; загорѣлось въ лавкѣ Ульяны Васильевой Мякотинной.

Въ теченіе 85 лѣтъ (1753—1838 г.) въ селѣ Ивановѣ было 19 пожаровъ, истребившихъ кромѣ церквей, лавокъ, фабрикъ и другихъ зданій, а равно и движимаго имущества, 1501 домъ. Громадный пожаръ 1839 года, уничтожившій почти все село Иваново, о чемъ будетъ сказано далѣе, не вошелъ въ этотъ итогъ. Чтобы имѣть достаточное понятіе о той гигантской борьбѣ съ роковыми случайностями, которая выпала на долю пионеровъ фабричнаго дѣла въ с. Ивановѣ, нужно вспомнить, что въ указанный періодъ времени, кромѣ гибельныхъ по своимъ послѣдствіямъ пожаровъ, Ивановскій фабрикантъ вынесъ на своихъ плечахъ восемь тяжелыхъ рекрутскихъ наборовъ, ополченіе 1812 года, сильный неурожай 1831 года, строгія карантинныя мѣры въ томъ же году по случаю появленія холеры, различныя денежныя лишенія при выкупѣ на свободу и такія же затраты капитала на покупку новыхъ *свободныхъ* земель, цѣнность которыхъ превышала 4000 рублей серебромъ за десятину.... Вотъ изъ какихъ жизненныхъ отлѣтокъ составилъ формуляръ стариннаго Ивановскаго фабриканта!

1838 годъ. Мал 19. Заложена старообрядческая, единовѣрческая церковь близъ села Иванова, возлѣ дороги, протегающей отъ Иванова къ селу Николѣ-Талицамъ.

Позднѣе эта церковь обстроилась домами, которые своими улицами соединили ее съ селомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ этотъ храмъ находится теперь въ чертѣ города. Главными строителями церкви были богатые ситцевые фабриканты Бурялинъ и Борисовъ, неоднократно упоминаемые въ настоящихъ записяхъ.

1839 годъ. Мартъ. Продавалась ржаная мука по 1 руб. 50 коп. за пудъ, дрова аршинныя березовыя по 8 рублей; разнолѣсокъ по 5 руб. 50 коп. сажень.

1839 годъ. Майя 13. Въ Субботу, во второмъ часу пополудни, въ селѣ Ивановѣ случился пожаръ: загорѣлось у Бакулина, жившаго въ *Поперечной* улицѣ отъ Погананаго пруда. Сгорѣли улицы: «Негорѣлая» и заднихъ улицъ пять, Покровскіе священники и со всѣмъ причтомъ (т. е. ихъ дома). Купческихъ домовъ (сгорѣло): Матрены Ивановны Саладиной 3 дома, Афанасія и Ивана Яковлевыхъ Куваевыхъ, Виктора Алексѣевича Гречина, Афанасія Ѳедоровича Зубкова, нашъ Абрама Филиппова Полушина, фабричная свѣтелка Автона Ермолаевича Гандурина, домъ Петра Прохоровича Кокушкина, Ивана А. Ф. Сомова, Никона Мееод. Горелина, Константина Ефимовича Дурденевскаго, Ларіона Степановича Удина, Никандра Александровича Бабурина, Ивана Александровича Бабурина. У насъ (т. е. у Абрама Филипповича Полушина), у Горелина и Ивана Бабурина уцѣлѣли фабрики, у прочихъ же всѣ сгорѣли; жизни лишились 5 человѣкъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ началѣ записи пяти улицъ сгорѣли всѣ центральныя улицы правой стороны села со множествомъ ситцевыхъ фабрикъ.

Паника, произведенная этимъ пожаромъ, была настолько велика, что обезумѣвшій отъ страха народъ заставилъ священниковъ въ полномъ облаченіи съ пѣніемъ и хоругвями нести по пылавшимъ улицамъ села икону Божіей Матери, именуемую „Неопалимая Купина“. Жертвою этого пожара было болѣе 1000 домовъ и фабрикъ.

1839 годъ. Іюль. Постановлено указомъ быть единообразному курсу всей монеты; имперіалу 36 рубл. 5 коп., серебряному рублю, *цѣлковому* и *мелкому* 3 руб. 50 коп., 10-ти золотому 5 руб. 25 коп.; 20-ти *франковому*—17 руб. 22 коп., талеру Гиннпан.—4 руб. 65 коп., *піастру*—4 руб. 67 коп., талеру Австрійскому—4 руб. 48 коп.

Указъ, устанавливавшій цѣнность звонкой монеты, былъ принятъ въ Ивановѣ съ величайшимъ вниманіемъ. Нечего и говорить, что знаніе установленнаго курса было необходимо для Ивановскихъ фабрикантовъ, привозившихъ съ Нижегородской ярмарки цѣлые мѣшки звонкой иностранной монеты, принимаемой ими до сказаннаго указа *по курсу взаимнаго соглашенія*, при чемъ различныя обстоятельства, неизбѣжныя въ каждомъ коммерческомъ дѣлѣ, играли руководящую роль, часто гнетущую ту или другую сторону.

1840 годъ. Генварь. Мука ржаная продавалась 2 руб. 60 к.; крупа—3 руб. 30 к. пудъ; дрова березовыя—7 рублей; разнолѣсокъ—4 р. 50 к. сажень.

1840 годъ. Мартъ 21. Здѣсь, въ селѣ Ивановѣ трое молодыхъ мужчинъ: одинъ деревни Ясюнихи, второй деревни Калачева, третій села Иванова, наказаны кнутомъ по 50 ударовъ, заклеямены и сосланы за подорожный грабежъ около села Иванова.

1840 годъ. Іюль. Мука ржаная продавалась 3 руб. 40 коп. пудъ; крупа—4 руб. 50 коп.; пшено—6 руб. мѣра; масло льняное—11 руб. пудъ; овесъ—8 руб. 50 коп. четверть.

Увеличивавшійся годъ отъ году спросъ на ржаную муку въ связи съ недостатками урожая и монополіей хлѣбнаго дѣла на Ивановскомъ рынкѣ сильно подняли цѣну на этотъ необходимый продуктъ. Сопоставляя цѣны хлѣбнаго рынка за прошедшее пятилѣтіе, мы получимъ слѣдующія интересныя цифры: въ 1836 году цѣна на ржаную муку была 1 р. 10 к. пудъ, въ 1838 г. — 1 р. 25 к., въ 1839 въ Мартъ — 1 р. 50 и въ Іюнь того же года 2 руб. пудъ; въ 1840 въ Январь 2 р. 60 к., въ Іюль—3 руб. 40 коп. (См. записи сказанныхъ годовъ). Такимъ систематическимъ порядкомъ ржаная мука повысилась въ цѣнѣ въ продолженіе пяти лѣтъ на 2 р. 30 к. въ пудъ, что составитъ около 180% на рубль. Таже степень повышенія и по тѣмъ же причинамъ замѣчается въ цѣнахъ на овесъ, пшено и крупу.

1841 годъ. Ноябрь. Мука ржаная здѣсь продавалась 2 р. 80 к.; крупа—3 руб. 40 коп. пудъ. Дрова березовыя—8 руб., разнолѣсокъ—5 руб. сажень.

Указанное сей записью пониженіе цѣнъ на ржаную муку и крупу не повело къ нормальнымъ границамъ рыночныхъ цѣнъ, а составило только еще бѣдшюю видимость ихъ колебаній. Такое нежелательное состояніе рынка продолжалось до 1846 года, съ котораго рыночныя цѣны получили нѣкоторую устойчивость, не допускающую дальнѣйшаго повышенія.

1842 годъ. Мартъ. Мука ржаная продавалась по 3 руб. пудъ; крупа гречневая—4 р. пудъ; овесъ—10 руб. четверть; дрова березовыя—8 рублей, разнолѣсокъ—5 рублей сажень.

1845 годъ. Генварь. Продавалась мука ржаная 95 копѣекъ; крупа—1 р. 50 к. пудъ. Дрова березовыя—12 рублей, разнолѣсокъ—8 руб. сажень. Овесъ 5 руб. четверть.

1846 годъ. Генварь. Продавались дрова 14-ти вершковыя березовыя 8 рублей, разнолѣсокъ—6 руб. ассигн. сажень; овесъ—6 руб. 25 коп. четверть—8 мѣръ; сѣно—65 коп. пудъ; мука ржаная—1 р. 20 коп. пудъ ассиг.

1849 годъ. Складена церковь въ слободѣ Вознесенской (составляющей нынѣ лучшую и болѣе благоустроенную часть города Иваново-Вознесенска) иждивеніемъ и стараніемъ Петровскаго купца Петра Афанасьевича Зубкова, Московскихъ (купцовъ) Ивана Александровича Бабурина и Василія Петровича Дурденевскаго.

1850 годъ. Октябрь 14. Въ шестомъ часу утра у моего сосѣда и двоюроднаго брата Петра Афанасьевича Зубкова случилось несчастіе: на его ситцевой фабрикѣ разорвало паровой котель въ 20 силъ, и паромъ у него обварило работающих тутъ людей 35 человѣкъ, изъ коихъ въ теченіе 12 часовъ померло 27 человѣкъ.

Этотъ величественный храмъ, созданный жертвами и трудами многихъ *свободныхъ* Ивановскихъ крестьянъ, долженъ служить для ихъ потомства символическимъ памятникомъ, составляющимъ грань прошедшаго и указывающимъ начало новой свѣтлой эры въ многотрудной жизни предковъ.

*

Послѣ этой записи, на той же страницѣ, гдѣ она находится, написано рукою моей матери слѣдующее: „1852 года, 13 Февраля, въ 11-мъ часу пополудни, скончался любезный супругъ мой Абрамъ Филипповичъ Полушинъ“.

Н. А. Полушинъ.